

Это вышло недоразумением. Цзун Чихуая под конвоем старшего брата заставили извиниться.

Думалось, на этом все и закончится, но именно тогда началось их противостояние.

Жизнь тут стала для Цзун Чихуая еще невыносимее, чем в родовом поместье.

Он не умел застилать постель и просто кидал на нее простыню. Се Жун тут же насмеялся:

— Даже Омеги умеют застилать постель. А ты нет?

Он принимался стирать одежду, но от усердия разрывал ткань. Се Жун, вскинув бровь, тут же язвил:

— Даже Омеги умеют стирать. Может, молодому господину Цзуну стоит поучиться у Омеги?

Он жаловался на еду в столовой академии. Се Жун тянул нараспев:

— В школе невест-Омег учат готовить. Своими руками и сыт будешь.

От этого Цзун Чихуай скрипел зубами.

С этого и началась их вражда. А когда подселелись двое других соседей, между Се Жуном и Цзун Чихуаем уже пылал пожар.

Вспоминая сейчас эту старую историю, Цзун Чихуай все еще чувствовал горечь:

— Ты что, так и ненавидишь меня за то, что я принял тебя за Омегу?

— Нет.

На душе у Цзун Чихуая чуть отлегло, но потом он услышал:

— Я тебя и так всегда ненавижу.

Вне себя от ярости он, сидя на корточках, с силой ударил кулаком в пол! С его-то Альфа-силушкой удар оставил вмятинку. Цзун Чихуай заскрежетал коренными зубами.

На всем его веку один лишь Се Жун заставил его споткнуться. Эта мысль его бесила.

— Эй, Се Жун, побьемся об заклад?

— На что?

Се Жун смотрел на его запыхавшуюся, злую морду и испытывал странное удовлетворение. Может, он уже превратился в извращенца на этой работе?

Цзун Чихуай устал сидеть на корточках и просто плюхнулся рядом на пол:

— Знаешь про итоговый экзамен? Последние четыре дня - захват флага. Давай поспорим, кто захватит флаг.

— Победитель сможет потребовать от проигравшего что угодно.

Се Жун:

— Скукота.

Цзун Чихуай свирепо уставился на него:

— Всего одно слово: согласен или нет? — Все его лицо выражало зловещее нетерпение и, казалось, кричало: «Произнеси только это одно слово», и он не отстанет, пока не получит ответ.

Ну просто как приставучий пес. Се Жун, отложив бинты, пошел к выходу. — Эй, ты куда? Ты еще не дал ответ! — Раздался позади раздраженный крик.

Не оборачиваясь, он бросил одно слово:

— Согласен.

Цзун Чихуай только этого и ждал. С улыбкой глядя ему в спину, он встал, опираясь на руку:

— Тогда сразу договоримся: я ставлю на себя.

Тот, кто захватит флаг, непременно будет им.

Се Жун проигнорировал его слова и открыл дверь медпункта, столкнувшись нос к носу с вернувшимся врачом-Бетой. Тот слегка опешил:

— Уже перевязались? Может, нужна еще какая помощь?

Се Жун покачал головой.

— Тогда можете идти.

Се Жун отошел в сторону, пропуская врача, и занес ногу, чтобы уйти. Заметив это, Цзун Чихуай тут же встал, с тщанием поправил форму и за пару мгновений снова превратился в своенравного и надменного молодого господина. Он лишь продезинфицировал раны йодом; мелкие царапины на лице придавали ему еще более дьявольский вид. Он, даже не взглянув на врача, пошел за Се Жуном.

Врач, которому тоже порядком надоели эти заносчивые Альфы, равнодушно отошел, но, глянув на пол, на миг застыл.

— Эй, ты, Альфа, что нос задрал до небес, стоять!

— За порчу казенного имущества придется платить звездные кредиты!

— Ты кого это нос задрал, черт подери? Я такой статный и красивый! Ты слова-то выбирай!

Уже выходя за дверь, Се Жун слышал звуки препирательств, перемежаемые сдерживаемой яростью в голосе Цзун Чихуая.

По его лицу скользнула усмешка. Похоже, молодой господин сегодня и впрямь был взбешен.

Вернувшись из медпункта, Се Жун продолжил тренировки и снова попал под прицел чужих взглядов.

Он без тени смущения делал упражнения, хотя правильнее было бы сказать – упрямо не желал

сдаваться.

Но без исключений – всё мимо.

Компанию ему в этом позоре составлял разве что Вэй Цзя.

Но легче от этого не становилось. Раньше он всегда был первым; сейчас, хотя формально тоже первым...

Но быть первым с конца Се Жун не очень-то хотел.

За день тренировок Се Жун всесторонне продемонстрировал свою никчемность, и мнение окружающих о нем менялось несколько раз.

Примерно так: «Крутой чувак» – «Нуб» – «Крутой нуб».

С физухой был полный провал, но ментальная сила, показанная Се Жуном, и правда была впечатляющей.

Самого Се Жуна это, впрочем, ничуть не радовало. 606 утешал его: [Не расстраивайся, Жунжун. Усилитель физподготовки сейчас со скидкой. Восемь-девять процентов – дешево ведь.]

Если честно, Се Жун на мгновение и правда заинтересовался:

— Сколько по скидке?

[Не 999, не 99, а всего 999.99 очков!]

Се Жун: — ...Пошел вон.

606, обиженный, укатился в глубины сознания и притих.

— Се... Се Жун!

Система только укатилась, как прикатился главный герой-реципиент. Он окликнул его, трусцой догоняя.

Се Жун сделал вид, что не заметил. Он же злодей, и, столкнувшись с главным героем, должен был играть свою злодейскую роль. Ему пока не хотелось работать, хотя его лицо обычно делало эту работу за него.

Но Вэй Цзя, похоже, твердо решил с ним поговорить. Обычно он и парой слов с ним боялся перекинуться.

А теперь забежал вперед. Се Жуну ничего не оставалось, как покоситься на него. Он молчал, и равнодушный взгляд заставил Вэй Цзя немного струсить.

Но, вспомнив события дня, он набрался смелости и подошел ближе:

— Т-ты, почему ты так быстро идешь?

— Се Жун... ты как, в порядке?

Глядя на его выражение лица «я тебя немного боюсь, но очень волнуюсь», Се Жун на мгновение увидел перед собой типичную белую лилию из своего бывшего отдела пушечных злодеев. Он не совсем понял смысл, но по опыту знал, что когда появляется такое лицо «белой лилии», это либо для того, чтобы привлечь внимание второго главного героя и вызвать жалость, либо для того, чтобы завербовать союзника.

Се Жун решил, что первое вероятнее, и подсознательно поискал глазами Цзун Чихуая, рассеянно отвечая Вэй Цзя:

— Я в порядке.

Этот ответ был ожидаем для Вэй Цзя. Он взглянул на равнодушное лицо Се Жун и тут же проникся к нему сочувствием.

— Я знаю, тебе тяжело. Мне... мне тоже. — Вэй Цзя тихо сказал:

— Я такой же, как и ты. Я тебя понимаю. Они все думают, что мы бесполезные...

Вэй Цзя расстроился. Сегодня многие смотрели на него с выражением: «И что такой бесполезный Альфа забыл в Имперской военной академии?».

Ему было обидно. Он же не хотел сюда идти! Это его старший брат заболел и не желал бросать все, вот и заставил его.

Как они смеют называть его бесполезным.

Вэй Цзя жил здесь в постоянном страхе. Вокруг были сплошь грубые и свирепые Альфы, и он не чувствовал ни от кого ни капли понимания.

А потом оказалось, что Се Жун - такой же неудачник, как и он.

Раньше он недолюбливал этого соседа, считая его злым, страшным и склочным; еще и смел задирать такого Альфу, как Цзун Чихуай.

Но оказалось, они одинаковы. Эта неприязнь сменилась чувством единения, почти сочувствием.

«Я-то Омега, - думал он. - ...Эти Альфы для меня никто».

«Но Се Жун - нет. Он и есть настоящий бесполезный Альфа».

От этого Вэй Цзя невольно смотрел на него с сочувствием, и страх перед ним прошел:

— Давай теперь ходить вместе.

— Ты, конечно, тоже бесполезен, но если увидят, что мы вдвоем, точно не посмеют задирать нас.

Се Жун:...?